

**ЭТИКО-ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
ДЖОНА ФАУЛЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «КОЛЛЕКЦИОНЕР»)**

Ю.В. Волошин, И.А. Попова-Бондаренко

Резюме. Работа посвящена этико-гуманистическим парадоксам в творчестве Джона Фаулза. Определяется темпорально-экзистенциальный фон, на котором разворачивается формирование антропологических взглядов Дж. Фаулза. Устанавливаются парадигмальные основания противоречивой и диалектической концепции, нашедшей отражение в романе «Коллекционер». Ключевыми маркерами поисков автора романа являются оправдание ненасилия, понимание Другого, открытость, ответственность и апелляция к разуму.

Ключевые слова: постмодернизм, парадокс, гуманизм, неравенство, нравственность.

Постановку проблемы сформулируем в форме открытого вопроса, не предполагающего однозначного истинного ответа: разрешима ли на линии автор-читатель антропологическая проблема равенства в контексте этико-гуманистической нагруженности романа Дж. Фаулза?

Несмотря на то, что творчество Дж. Фаулза не является *terra incognita* современного литературоведения, абберрация близости, многоплановость и многовекторность фаулзовских идей, позволяют находить новые, неизведанные грани его творчества, перенося эти идеи на территорию противостояния различных этико-гуманистических парадигм. Современный человек оказался в парадоксальной, даже абсурдной ситуации. Взобравшись на вершину своего цивилизационного развития он, тем не менее, остался легко уязвимым, необычайно одиноким, потерявшим этические ориентиры и забывшим (или не знавшим) гуманистические аксиомы. Дж. Фаулз пытается по-новому рассмотреть «вечные» проблемы непонимания, вписанные в контекст непреходящего парадоксально-диалектического метанарратива «Добро-Гуманизм-Равенство». Исходя из этого, тематика нашей статьи видится актуальной и своевременной.

Источниковедческой базой статьи является не только «Коллекционер» [1], но и другие произведения Дж. Фаулза: «Аристос» [2], «Кротовые норы» [3] – работы, написанные в жанре сборников философских заметок и эссе. Литературное наследие Дж. Фаулза привлекло внимание ряда литературных критиков. В частности, Е.С. Аминева [4] анализирует проблемы художественного метода Дж. Фаулза, выявляет ближайший и удаленный контекст гуманизма писателя. В. Г. Тимофеев [5] рассматривает технологию воздействия Дж. Фаулза на читателя, а также выявляет философские аспекты в творчестве писателя.

Объем статьи вынуждает ограничиться следующим корпусом методов: биографический, историко-генетический, сравнительный анализ. Они позволяют в полифонической и диалогичной форме рассмотреть ключевые проблемы, которые имплицитно задает цель статьи. Последняя заключается в выявлении специфики этико-гуманистических взглядов Фаулза, нашедших отражение в романе «Коллекционер».

Традиционно Дж. Фаулза причисляют к писателям-постмодернистам. Действительно, в романах английского писателя наличествует множество черт, присущих поэтике постмодернизма: интертекстуальность, пародийность, экспериментальность, релятивизм, двойной код. Тем не менее, следует признать, что на фоне пестрой и разноплановой постмодернистской картины мира, фигура Фаулза стоит особняком.

Известно, что во время своего обучения в Оксфордском университете, в который он поступил в 1947 году, Дж. Фаулз подвергся значительному влиянию идей французского атеистического экзистенциализма. Это впоследствии нашло отражение и в его творчестве, однако в модифицированном, «фаулзовском» понимании. Так,

гуманистические установки Фаулза, среди которых выделим понятия свободы и ответственности, в определенной мере перекликаются с соответствующими поисками французских экзистенциалистов. Отсюда следует предположение, что гуманистическая концепция писателя может быть рассмотрена как продолжение и переосмысление этической проблематики, с которой в свое время столкнулись такие писатели и философы, как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю. Суть этой проблематики можно очертить следующим образом: в условиях абсурдности мира моральный аспект деятельности человека в социуме нивелируется, что в результате может повлечь за собой торжество произвола и практическое воплощение тезиса «Бог умер, значит все дозволено» (Ф. Достоевский). Не будет лишним заметить, что Фаулз неоднократно подчеркивает свою атеистическую позицию, говоря, что «все боги, якобы способные вмешиваться в наше существование, – идола; все образы богов – идола; все молитвы, обращенные к ним, всякое их почитание – идолопоклонство» [2, 164], но при этом сложно переоценить значение этической доминанты в творчестве писателя. На примере французских экзистенциалистов 30-40 годов минувшего столетия, можно проследить, что сформулированная выше проблема ответственности перед другими людьми разрешается путем не строго рационального обоснования потребности быть гуманным, но через прямое утверждение необходимости нести ответственность за свои действия, т. е. логический аспект уходит на второй план перед деонтическим и даже бихевиористским (сторонником последнего, кстати, был влиятельный британский философ и лингвист XX века Г. Райл). Закономерно, что особо остро проблемы нравственности и личной ответственности ставятся после Второй мировой войны. Попытки решить эти проблемы были предприняты, в частности, в статье Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946) и романе А. Камю «Чума» (1947).

Безусловно, в творчестве Дж. Фаулза отражается иное, более современное мировосприятие, каким представляется постмодернизм. Однако в то время как постмодернистская картина мира характеризуется отрицанием возможности свести мир к какой-либо единой упорядоченной и устойчивой системе, Фаулз является последовательным приверженцем гуманизма в качестве целостной и стабильной жизненной философии. Отвечая агностическим тенденциям в постмодернистском мировосприятии, он пишет: «Все наши суждения о правильном и неправильном бессмысленны как в абсолютном, так и в эволюционном аспекте. Но мы подобны судьбе, который вынужден судить. Это наша функция – судить, делать выбор между добром и злом» [2, 113-114]. Стало быть, выбор в пользу добра становится первостепенным шагом к моральной целостности в условиях современного мира, а гуманизму писатель придает значение основополагающего мировоззренческого элемента, своеобразного антропосоциального маркера цивилизации, пережившей страшные потрясения. Фаулз утверждает: «Я – гуманист номер один. Я верю в гуманизм, который в философском смысле потерпел крах. Его очень трудно обосновать, как и невозможно строить какую-либо политическую практику на том, что ты гуманист. И, тем не менее, я им остаюсь» [цит. по 4, 20]. Как справедливо отмечает Е.С. Аминаева, приведенное высказывание содержит намеренный парадокс: автор верит в то, что потерпело крах. Отсюда вывод, что «гуманизм Дж. Фаулза – гуманизм особого рода» [4, 20]. Парадоксальность усматривается также в том, что при всей хаотичности мира и относительности истин в нем, Фаулз стремится научить читателя ориентироваться в этом мире. Другой исследователь, В. Г. Тимофеев, с опорой на слова самого писателя, замечает, что для Дж. Фаулза главная задача романа в частности и литературы вообще состоит в воздействии на читателя, в утверждении в его сознании определенных ценностей – непреходящих и важных [5, 62].

Определенный интерес представляют отношения между читателем и автором, какими их выстраивает Фаулз в своих произведениях. Попробуем отразить данный

аспект на примере его «Аристоса». Во введении автор, прежде всего, акцентирует внимание на жанре своей книги. Это сборник заметок, написанных нарочито лаконичным языком, лишенным стилизованных фигур. Следом за этим пунктом идет утверждение автора, что книга – «не диалог, а лишь одна сторона диалога. Я утверждаю; вы, если такова ваша воля, опровергайте» [2, 16]. В рассуждениях В. Г. Тимофеева об «Аристосе», пропущенных сквозь призму установки на «уроки философии Джона Фаулза», взаимодействие писателя и читателя, кажется, приобретает воистину парадоксальную окраску: «Фаулз говорит, а читатель кивает головой «Да, да!» или «Правильно, правильно!» Но кто кого учит в этой ситуации? Действительно, такой тип диалога очень похож на урок, только роль учителя здесь выполняет, скорее, читатель, нежели автор. Фаулз отвечает урок, а мудрый учитель, его читатель, знающий наперед этот урок, как и все прочие, одобрительно кивает» [5, 9]. Однако далее исследователь акцентирует внимание на том, что за рядом утверждений, с которыми читатель предположительно соглашается, следует тезис, который «опрокинул нашу модель, поменял роли местами – Фаулз оказался все-таки учителем. Как опытный педагог, он начал урок с обращения к ученикам на знакомом им языке, с изложения известных им истин, и опроверг их, но не предложил вместо отвергнутых свои, позволяя ученикам подумать самостоятельно» [5, 10]. Схожий принцип можно проследить и в художественных произведениях писателя. Следует также отметить, что в художественном мире Дж. Фаулза автор предстает не в качестве всезнающей фигуры, которая декларирует взгляды, позиционируемые как непреложно истинные. Напротив, он выступает в качестве носителя идей, призванных вызвать в читателе рефлексию, в результате делая его соучастником писателя, соавтором произведения, партнером в диалоге. В дебютном романе Дж. Фаулза под названием «Коллекционер», вышедшем в 1963 году, авторская позиция не представлена, поэтому обращение к «Аристосу» (1964) видится уместным, поскольку в этой книге писатель во многом раскрывает идейный пласт, заложенный в романе. Если же проследить эволюцию проблемы авторского сознания в творчестве Фаулза, то, по словам В. Г. Тимофеева [5, 92], можно заметить возрастающий к ней интерес от романа к роману, где данная базовая категория текста представляется все более эксплицитно.

Как отмечает Е. С. Аминева, особое значение при характеристике гуманизма Дж. Фаулза имеют философские концепции, отличающиеся диалектическим восприятием мира [4, 21]. Прежде всего, в этой связи подразумеваются идеи греческого философа Гераклита. Сам автор признает, что главную тему романа «Коллекционер» он позаимствовал именно у Гераклита [2, 8]. Античный диалектик Гераклит одним из первых разделил человечество на два условных лагеря. Первый включает людей, которые характеризуются высоким уровнем моральных ценностей и интеллектуального развития, наличием творческого начала, в то время как второй является, говоря современным языком, серой, бездумной массой «безмолвствующего большинства» (А. Гуревич), не отягчающей себя размышлениями. В предисловии к «Аристосу» Фаулз тем не менее признается, что «делать вывод, будто человечество можно разбить на две четко определенные группы – избранное меньшинство (Немногие) и презренное большинство (Многие) – идиотизм, поскольку никто из нас не обладает абсолютным совершенством, но никто и не может быть абсолютно его лишен» [2, 10].

Целью романа «Коллекционер», опять же по словам самого Дж. Фаулза, является анализ некоторых результатов постоянной борьбы между Немногими и Многими [2, 10]. В основе сюжета романа лежит история похищения. Преступником (он же – своеобразный представитель Многих) выступает молодой человек по фамилии Клефф, мелкий офисный служащий, который однажды выигрывает огромную сумму денег на тотализаторе и таким образом получает финансовую свободу и призрачную личную независимость. Жертва (носитель мировоззрения Немногих) – девушка

Миранда, вынужденная около двух месяцев находиться в подвальном заточении пригородного дома, где Клеgg – ее единственное общество. Мотивом преступления Клеgg считает свою любовную привязанность к Миранде, с которой он даже не был ранее знаком. Здесь интересно отметить, как трагический финал романа – по сути, убийство девушки Клеggом – парадоксально сочетается с его первоначальными настроениями относительно Миранды, в которой он обнаруживает объект искренней привязанности, граничащей с любовью. Финал романа ставит под сомнение подлинность этих настроений.

На вопрос, что для него значит гуманизм, Дж. Фаулз отвечает: «это главным образом состояние нелюбви или отвращения к насилию. В некотором смысле это философия компромисса» [3, 294]. В свете рассматриваемого романа, слова писателя могут спровоцировать допущение, что Клеgg – средоточие того, что так ненавистно автору. Однако при более детальном прочтении и интерпретации становится достаточно очевидным, что образ героя – не просто воплощение социального зла. Автор романа утверждает, что зло в Клеgge – «в значительной, а возможно, и в полной мере – результат необразованности, дурного воспитания, убогой среды, сиротства, т. е. всех тех факторов, управлять которыми было не в его власти. Короче говоря, я пытался утверждать фактическую *невинность* большинства» [2, 10-11]. Здесь мы сталкиваемся с классическими дихотомиями личного и общественного, индивидуальной ответственности и коллективного детерминизма, внутренней и внешней обусловленности зла. Чтобы проиллюстрировать пути разрешения поставленного в романе конфликта, видится уместным снова обратиться к словам Фаулза, который призывает признать существование конфликта между Многими и Немногими (основывающегося в значительной мере на неоправданной зависти с одной стороны и столь же неоправданном презрении с другой). Признания также требует то, что мы не рождаемся и никогда не будем рождаться равными. Писатель апеллирует к большинству, требуя от него «быть достаточно образованным, чтобы избавиться от ложного представления о своей неполноценности», а в обращении к меньшинству – избавиться от «столь же ложного представления о том, что биологическое превосходство есть норма существования, а не *норма ответственности*, чем это превосходство в действительности является» [2, 11-12]. Именно в осуществлении вышеперечисленных идей Фаулз усматривает возможность преобразовать мир, сделав его более справедливым и счастливым.

Исследование проблемной территории творчества Дж. Фаулза позволяет сделать следующие выводы. Усматривается связь писателя с традиционной функцией литературы, которая заключается в усовершенствовании человека и мира. Этико-гуманистические взгляды Фаулза, нашедшие отражение на страницах «Коллекционера», идут в русле послевоенных философско-литературных поисков XX века. Испытав влияние постмодернизма, Дж. Фаулз, предстает оригинальным мыслителем, что подтверждается его поисками холистической, устойчивой программы реабилитации и воспитания современного человека. В произведениях писателя мы сталкиваемся не с монологом, но с диалогом, который разворачивается в глобальный и парадоксальный этико-гуманистический дискурс. Через роман проходят три основные темы. Первая – апелляция к разуму на фоне определенной деградации критической функции этого разума. Вторая – призыв к ненасилию через осмысление и понимание Другого. И, наконец, третья тема сводится к тому, что нравственно-деонтические константы возможны, но не очевидны (в том мы видим главный парадокс). И Многие, и Немногие равно далеки от идеала. По сути, деление на два лагеря – условно. «Лучшие» присутствуют в обеих партиях и выбор критериев отбора «Лучших» диалектически обусловлен контекстами и ситуативностью.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Фаулз Дж. Коллекционер: роман / Джон Фаулз; [пер. с англ. И. Бессмертной]. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. – 400 с.
2. Фаулз Д. Аристос / Джон Фаулз; [пер. с англ. И. Бессмертной]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 347, [5] с.
3. Фаулз Дж. Кротовые норы: сб. эссе / Джон Фаулз; [пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой]. – М.: Махаон, 2002. – 640 с.
4. Аминова Е. С. Джон Фаулз: парадоксы размышления над методом / Е. С. Аминова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – № 3. – С. 20-23.
5. Тимофеев В. Г. Уроки Джона Фаулза / В. Г. Тимофеев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. – 112 с.

УДК 81'367.625

ЛОКАТИВНІ ВІДІМЕННИКОВІ ДІЄСЛОВА В НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

К.О. Кухарук, В.Д. Каліущенко

Резюме. Стаття присвячена вивченню локативних відіменникових дієслів у німецькій та українській мовах. У роботі було застосовано наступні методи лінгвістичного аналізу: описовий метод, що уможливив комплексне зображення отриманих результатів; зіставний метод слугував основою аналізу ЛВД у сучасних німецькій та українській мовах і встановлення їх спільних та відмінних рис; методика компонентного аналізу застосовувалася при аналізі семантичних структур локативних дієслів і здійсненні класифікації відібраних ЛВД; за допомогою кількісного аналізу було встановлено частотність кожного зі структурних та семантичних типів ЛВД; побудова формул тлумачення, необхідна при виділенні семантичних типів ЛВД, дозволила максимально повно відобразити змістовне наповнення дієслів кожного з цих типів.

Ключові слова: локативне дієслово, мотивуючий іменник, структурно-семантичний тип.

1. Вступні зауваження. У даній статті розглядаються локативні відіменникові дієслова (далі ЛВД) у німецькій та українській мовах. У широкому смислі відіменникові локативні дієслова – це дієслова, мотивуючі іменники (МІ) яких виконують семантичну функцію “місце”, наприклад, нім. *zelten* ‘im Zelt wohnen’, ‘жити в наметі’ (← *Zelt* ‘намет’; ФТ: “Х перебуває в наметі”), укр. *бункерувати* ‘засипати в бункер’ (← *бункер*; ФТ: “Х каузує Y бути в бункері”) (див. табл. 2).

Категорія локативності досить складна, тому що в ній поєднуються подійні сфери реальної дійсності, особливості ландшафту, численні параметричні характеристики предметів, що своєрідно відображено в мові. Ця категорія заслуговує на увагу як через частотність вживання її виразників, так і через функціональне навантаження (охоплює як статичні координати предметів та їхніх ознак, так і динамічні характеристики, пов'язані з переміщенням у просторі) [1, с. 12]. Категорія локативності також пов'язана зі сприйняттям людиною навколишнього світу. Це пояснюється тим, що жива істота (людина) вимірює себе у навколишньому середовищі, у світі в основному за двома параметрами – у просторі та часі [2, с. 132]. Значні результати у вивченні ЛВД у німецькій мові отримані у працях В.Д. Каліущенко [3; 4], Х. Вельмана [5], М.Кулака, І.Кюнхольд [6], М.Д. Степанової [7], В. Фляйшера, І. Барц [8] та ін. ЛВД в українській мові досліджували К.Г. Городенська [9; 10], М.В. Кравченко [9], С.О. Соколова [11], І.В.Ступак [12]. ЛВД розглядалися у зіставних і типологічних студіях на матеріалі різних мов (див. роботи В.Д. Каліущенко, Х. Маршана [13], М. Г. Сеніва).

Основна мета цієї розвідки полягає в описі, класифікації і порівняльному аналізі ЛВД на матеріалі німецької та української мов, виявленні структурних і семантичних особливостей досліджуваних одиниць.